

Фан Еинь безвольно опирался на столешницу. Холодный мрамор леденил кожу до онемения, но от этого прикосновения его тело покрывалось алыми пятнами, становясь пугающе нежным и манящим.

Он рассеянно смотрел в затуманенное паром зеркало, где отражался его собственный силуэт.

Он уже не понимал, кто он такой на самом деле.

Стоило оказаться в ванной, как его тело теряло способность расслабиться.

На глазах Фан Еиня выступили слезы, и мысли невольно вернулись в те самые темные времена.

Цинь Юэфан удерживал его, силой заставляя принимать себя, а его самого выворачивало наизнанку — даже когда желудок был пуст, он продолжал извергать желчь и кислоту. В тот период ванная стала местом, где они проводили больше всего времени.

Вода из душа непрерывно стекала по его телу, струилась по животу, бедрам и между ног, и уже невозможно было разобрать, где капли воды, а где следы их близости.

Фан Еинь запрокинул голову, подставляя лицо под потоки воды, стараясь подавить подступившую тошноту, но тело продолжало непроизвольно напрягаться.

Человек, стоявший перед ним, ничего не знал об этих терзаниях. Он лишь крепче прижимал к себе юношу, довольно улыбаясь.

— Какая же ты нежная и лакомая птичка.

Когда все закончилось, обессиленный Фан Еинь лежал в объятиях Цинь Юэфана. Они нежились в ванне, наслаждаясь редким моментом тишины и покоя.

Пальцы Фан Еиня слегка дрожали. Цинь Юэфан с улыбкой перехватил его руку и коснулся губами тонких пальцев.

— Каждый раз в ванной ты так напряжен, это доводит меня до безумия.

Фан Еинь опустил голову, пряча лицо, чтобы тот, кто был сверху, не увидел его выражения.

Если бы можно было начать все сначала, он бы непременно избавился от этой привычки болтать всякие пошлости в постели.

Впрочем, такой возможности, скорее всего, уже не будет.

Снаружи раздался монотонный звонок — это был телефон Цинь Юэфана.

Цинь Юэфан всегда четко разделял дела и терпеть не мог тратить энергию на пустяки. Раз он позвонил сейчас, значит, вопрос крайне важный.

Взгляд Цинь Юэфана потемнел, а на тонких, чуть холодноватых губах заиграла равнодушная усмешка.

Он поднял Фан Еиня на руки и вынес из ванной. Телефон продолжал звонить, эхом разносясь по спальне. Лишь уложив Фан Еиня на кровать, он не спеша взял трубку.

— Все улажено?

Неизвестно, что ответили на том конце провода, но голос Цинь Юэфана на мгновение затих, а затем стал до крайности нежным, словно шепот любовника на ухо.

— Они возомнили, что смогут меня остановить? Забавные у них мысли.

Он сел в мягкое кресло у панорамного окна, закинув ногу на ногу. В руке он держал сигарету, но не зажигал ее. Глядя на огни ночного города, он улыбался все глубже, выглядя невероятно элегантно и мягко.

Однако Фан Еинь слишком хорошо знал это выражение лица.

Он был недоволен.

Фан Еинь лихорадочно прокрутил в голове события последних двух лет. Скорее всего, речь шла о том самом деле, в котором его пытались остановить.

Цинь Юэфан слушал отчет, слегка улыбаясь, словно все происходящее его ничуть не заботило. Он повернул голову и увидел, что его маленькая золотая птичка полуприкрыла глаза, погрузившись в оцепенение. Густые ресницы подрагивали, простыня едва прикрывала тело, обнажая молочно-белое плечо с ярким следом от поцелуя.

Сердце Цинь Юэфана дрогнуло. Он подошел ближе, прижимая телефон к уху, наклонился и поцеловал его в губы.